

Маршрутка подпрыгивает на кочках, и цыплята под моим сидением пищат громче, я упираюсь ногами в их временный картонный дом и отвлекаюсь от просмотра красивой жизни, которую показывают мне в Инстаграме. Палец скользит по экрану, и сказка с красивыми домами, идеальными телами, машинами и платьями исчезает, как сон. Я, словно разбуженная медведица, пошатываюсь в такт движению буса, шевелю затекшими пальцами ног и смотрю в окно. За пыльным стеклом бесконечный трехслойный пирог — зеленое поле, синее море, голубое небо. Иногда волна подбегает совсем близко к дороге, и тогда от обилия синевы перед глазами прыгают мушки. За моей спиной проснулся младенец, я слышу, как он сосет грудь и кряхтит, ловлю себя на мысли, что на протяжении всего пути жду его писка, но он как будто специально не кричит — покряхтывает, причмокивает, но не плачет.

Когда моего плеча касается соседка в платке, я выпрямляю спину и поправляю прическу, я немного устала от девочки, сидящей у нее на коленях. Девочке лет семь-восемь, она довольно

крупная и, наверное, тяжелая, она сидит неподвижно и, не отрываясь, смотрит на меня. Мне кажется, что эта противная девчонка рассмотрела уже все мои родинки на шее и хрящи в ухе. Я делаю вид, что не замечаю в проходе между сидениями черного стреноженного барана, которого аксакал попросил подбросить до следующей деревни, и того, как на коленях у мужчины чавкает мальчик, откусывая яблоко. Я только делаю вид, что ничего этого не замечаю. На самом деле во мне, словно опара, растет густая, вязкая слизь, она копится где-то в районе моих легких, и они тяжелеют.

Я снова ныряю в свой телефон и пальцем вожу по экрану. Сигнал слабый, и Курорты мира не открываются. За окном кладбище, оно похоже на старый затерянный город, в его центре стоит маленький глиняный дворец, повезло кому-то иметь хоромы. Половина маршрутки делает аминь, я тоже машинально будто омываю лицо и закрываю глаза. Девочка пододвигается ко мне, и я чувствую ее дыхание, от нее пахнет боорсоками и мятными леденцами. Мне хочется спросить ее: «Ну что тебе от меня надо? Что ты еще не рассмотрела?» Я поворачиваюсь к ней впервые за всю дорогу и вижу, что она вздрогнула и испугалась. Напоминаю себе ожившее чучело. Мы сталкиваемся взглядами с женщиной, на чьих коленях весь этот долгий тяжелый путь сидит девочка, и я, первоначально приняв эту женщину за бабушку девочки, понимаю, что ошиблась. Эта женщина, скорее всего моя ровесница, у нее два ряда зубов из желтого металла и обветренное, загорелое лицо. Она одета в легкое темное платье в мелкий цветочек и в шерстяные гамаша. У меня когда-то в школе были такие, я носила их зимой поверх колгот, но они все равно доставали до тела и зверски кололи кожу.

Вязкая слизь достигает краев, мне хочется переодеть женщину, спустить с ее колен тяжелую девчонку, придушить орущих цыплят.

За окном показалось село — саманные домики, покосившиеся заборы. Баран из прохода подал голос, будто напомнил водителю о своей остановке. У магазинчика, обтянутого рекламным полотном мобильного оператора, барана встречают двое мужчин. Водитель выходит к ним, жмет руки, помогает вытащить связанного «пассажира». Мальчик, сидящий на коленях у отца, встает в освободившееся место в проходе и заговаривает с девочкой, они вдруг как-то веселеют и оживают, будто чувствуют близость дома. Мужчина сзади рассказывает своему соседу про то, как совсем недавно его вез на Иссык-Куль водитель с ошскими номерами и их остановил милиционер и взял ни за что пятьсот сом! На эти слова к нему оборачиваются пассажиры с первых сидений, папа мальчика качает головой и говорит, что это некрасиво, когда гость угощает, с ним все соглашается.

Водитель включает магнитофон, салон оглушает манасчы, звуки комуза чередуются с речитативом, девочка начинает ерзать на коленях матери, пассажиры все как один желают высказаться, некоторые встают с мест, ходят в проходе, маршрутку трясет.

— Каджи-Сай! — рявкает водитель и маршрутка со свистом тормозит. За окном видны горы, тополя, в низине дома и юрты.

Я хватаю сумку, шляпу, неловко встаю со своего места, ударяюсь головой о поручень, наступаю на ногу соседке, пытаюсь скорее покинуть салон.

— Хорошего вам отдыха! — говорит мне соседка и улыбается всеми своими металлическими зубами. За ней повторяют другие пассажиры и даже девочка. Я тоже им всем улыбаюсь и говорю: «Спасибо!» А потом долго иду по неровной размытой селевыми потоками дороге вверх в гостевой дом и плачу. Как крокодил.

2

Я долго иду по пустынной глиняной колее в сторону гор, стараюсь не поднимать лицо, потому что солнце жарит, а защитный крем на дне сумки. Стоит мне только задрать голову, на лице будет ожог. Моя кожа совсем не предназначена для жесткого ультрафиолета, на Иссык-Куле даже в тени она становится такой, будто в меня плеснули кипятком.

Когда-то давно, на последних курсах университета, мы с подругой впервые поехали на отдых самостоятельно, у нас были планы по захвату вселенной, для их реализации не хватало пустяка — легкого загара.

«Солнце, возьми меня!», — сказала я волшебные слова, разбросав руки и ноги по горячему песку в сторону легкого загара, и уже вечером лежала в ожогах и температуре, проклиная мир живых и договариваясь о приличном месте в мире мертвых. Мир мертвых послал мой сигнал хозяйке, сдававшей нам комнату. Словно злая колдунья из сказок Братьев Гримм, пришла она с заклинанием: «Дура, спасти тебя может только горячая баня! Сейчас подтоплю, посидишь в паре, отойдешь».

Я где-то читала, что человеческая память устроена хитрым образом — все стыдное и болезненное она стирает, оставляя только то, с чем можно жить. Так вот, из того вечера я помню длинную тропинку через огород, маленький деревянный домик, запах березового веника, низкую тяжелую дверь и слова подруги: «Может, не надо?» Дальше темнота и отсутствие звуков. На следующий день кожа слезла с меня как нейлоновый чулок, и я, кажется, передумала воевать с космосом...

Иду по пыльной, узкой улочке между обвитыми чайной розой и хмелем заборчиками, не поднимаю головы; дорога тянется вверх, шаг становится тяжелее, сумка по ощущениям — баржа, я тяну ее за собой из последних сил. Над горами нависает черная туча, где-то вдалеке слышится гром. Дышу как астматик, шевелю ноздрями как старый конь, селевая борозда становится глубже; если пойдет дождь, сумка увязнет в глине, карета превратится в тыкву. Все, я перегрелась.

Гостевой домик встречает меня непроходимыми джунглями ромашек, пионов и роз. В зарослях малины и смородины пасутся отдыхающие. Хозяйка берет мою сумку и по пути к моей келье рассказывает о местной фауне.

— Это ребята из Омска — лучше не связывайся — несерьезные, попросили вызвать такси, чтобы ехать на Соленое озеро, вызвала, а они своим ходом укатили, даже не предупредив! Эти приехали из Екатеринбурга, вон, на своей машине. Приятные, только мальчик у них — засранец такой, собаку мне дразнит. У тебя, кстати, знаешь какой сосед? Француз! Вот! — сообщив это, она зачем-то подмигивает и распахивает передо мной дверь в крошечную комнату с кроватью и стулом у стены. — Француз через стенку, он, конечно, там не один. Отдыхай. Ужин в семь.

Ужин подают в саду. Между яблонями и вишнями стоят маленькие топчаны, на них крошечные столики, вокруг столиков рассыпаны подушки-думочки. К столу я, конечно, примчалась первая — много у меня недостатков, но аппетит хороший. Сажу, улетаю за обе щеки ароматный плов, а вокруг омичи и ебуржцы с селфипалками расхаживают, прямые трансляции ведут.

— Это рай на земле! Просто рай! — кричит в свой телефон женщина в спортивном костюме с надписью «Russia» на всю спину. — Вот такие тут ужины! — внезапно съезжает с темы и подходит ко мне со своей палкой. — А вы откуда приехали? — спрашивает.

А я, правда, голодная, поэтому у меня за одной щекой кусок барины, за другой полкило риса, говорить нелегко, но я же не сноб какой, чтобы молчать, поэтому беру себя в руки и пытаюсь сообщить женщине и ее подписчикам, что я местная. Рис из моего рта сыплется на думочку, мясо застревает в горле, блогерша замирает в предвкушении смерти в прямом эфире, но я не даю ей шанса повысить рейтинг и все, что удастся ей заполнить — это мой тяжелый, продолжительный кашель.

— Здесь реально аутентично! Я реально стала слышать себя! — раздается театральный шепот из-под колированной черешни. Я отставляю яблочный пирог и поворачиваюсь в сторону откровения. Под деревом на высоком пне сидит худощавая женщина в ярком цыганистом платье и с абсолютно серьезным выражением лица рассказывает телефону про резкость зрения своего третьего глаза. Я подозреваю, что она должна быть веганом или сыроедом, и мне становится неловко за таз слопанного плова.

— Слушайте, как тут у вас, а! — возвращается ко мне дама,носящая на своей спине Россию. — Мы из Омска выезжали, у нас там ведь только снег сошел! Огурцы посадила, провозилась только, сгнили. А здесь вы видели огурцы? — она показывает мне неприличный жест из двух рук и заразительно смеется. Но я не заражаюсь, у меня иммунитет. — Были когда-нибудь в Сибири? — простодушно спрашивает. Я немного медлю с ответом, взвешивая возможные последствия и прихожу к выводу, что обсуждать до утра Сибирь у меня нет никакого желания.

— Никогда не была! — отрекаюсь от родины.

Унося грязную посуду на кухню, я прихожу к неприятной мысли — во мне живет снобище.

На кухне хозяйка с помощницей обсуждают хозяйкину сноху. Хозяйка рассказывает о ней без злости, но дважды называет шалавой.

— Понравился ужин? — спрашивает меня хозяйка и снова подмигивает. Я благодарю ее и по дороге на озеро думаю, что женщины-сплетницы обычно хорошо готовят и управляют с тестом, все у них получается легко и задорно.

У озера тихо и пустынно, на небе первые звезды. Я сижу на песке, задрав голову, и вздыхаю от своей необразованности: кроме Медведиц и Пояса Ориона ничегошеньки-то я не знаю. Надо будет открыть дома интернет и найти что-нибудь про звезды, даю себе обещание и ровно через секунду, конечно, забываю о нем.

По возвращении я, наконец, встречаюсь со своими соседями —

маленьким, некрасивым французом и высокой светлицей киргизкой. Они сидят за маленьким столиком у своего номера и едят черешню. Говорят они по-французски, на этом языке я ни черта не понимаю, но, судя по долгим паузам и тому как француз плюется в пионы косточками от черешни, разговор не вяжется.

В общем душе на стене несколько полочек, на них стоят банки-баночки-тюбики. Среди леса разнообразных марок и фирм вижу скученную продукцию «Ив-Роше» — дешевую и, насколько я знаю, не популярную во Франции, но в нашем регионе самую французскую. Понимаю, что это полочка француза, улыбаюсь. Представляю его — маленького в большом супермаркете, представляю, как он рад знакомому бренду, с каким теплом он прижимает к сердцу эти баночки с надписями на родном языке, как, может быть, чувствует близость дома.

Все мы черепашки, таскающие по миру свой дом, думаю в полусне я.

— Успокойся! Тебе просто нужен новый человек! — говорит с кем-то по телефону девушка француза. Я вижу ее красивый профиль в своем распахнутом окне.

4

Просыпаюсь от скрипа половиц. Лежу с закрытыми глазами и чувствую, что в комнате не одна. Открываю глаза, на вязанном коврик у двери сидит полосатый кот. Зверь сдержан, опрятен, уверен в своей правоте. Играем в гляделки, молчим. За окном на горизонте все оттенки красного — у солнца большие планы.

Выхожу из своей комнаты на цыпочках, чтобы не разбудить соседей. Сонное царство будто качается на волнах, здесь на ночь никто не закрывается, парусами из дверных проемов развеваются занавески. Чщщщ! Спи, кораблик! Спи, хороший!

Ноги омывает роса, сад дремлет в дымке. Срываю с ветки большое зеленое яблоко, бросаю в пляжную сумку. Полосатый ухажер провожает меня до калитки.

Земля под подошвами мягкая, влажная, идти легко и приятно. Вдоль улицы еще горят фонари, навстречу мне плетется парень с палкой — вероятно, пастух; приподнял голову, оценил мои короткие шорты, перешел на другую сторону улицы. Впереди у калитки пузатый мужик, закрывает по очереди ноздри, громко сморкается, перехожу на другую сторону я.

На пляже тихо, только сквозь сон шепелявит волна: «Еще ночь-ночь, пшли прочь-прочь». На маленьком, проржавевшем пирсе сидит парочка, девушка укутана в полотенце, парень в плавках обнимает свои колени. Они вдвоем, но каждый сам по себе. Свободные, могут себе позволить.

Я подошла к ним беззвучно и нагло пялюсь. Не могу оторваться от спины незнакомца — от дуги его позвоночника, от всех этих выразительных косточек и хрящей. Это рыба — большая рыба, выброшенная на берег. Сейчас она повернет ко мне голову и моргнет своим круглым глазом. Так и есть! «Хай!» — говорит мне рыба и показывает ряд белых, ровных зубов.

Бросаю на песок одежду, сумку, шляпу, вхожу в обжигающую воду. Вода в Иссык-Куле всегда холодная, жесткая, суровая — лас-

ковые объятия не про нее. В первые секунды Иссык-Куль всегда дает тебе под дых, присматривается, берет на слабо. И только обнаружив характер, показывает лицо, распахивает объятия.

Плыву медленно, лениво, почти не двигаю конечностями, радуюсь невесомости. Берег осторожно отходит в сторону, волна щурится и принимает меня в игру. Озеро расщедрилось на дружеские объятия и похлопывает меня по плечу, лезет обниматься, целует в губы. Мне становится весело, хорошо, свободно — я дома! Нырять, плаваю под водой, рассматриваю золотые дюны, пытаюсь достать до дна. Ощущая разницу температур и плотность водных слоев, сбрасываю с себя колючее, тяжелое, чужое. Господи! Как хорошо! Спасибо!

Тонула по-настоящему я два раза. В пять и в шесть лет. В пять на дачном водохранилище, в шесть на Оби. Я отлично помню оба те случая, когда солнечный луч, за который ты долго и отчаянно цеплялся, вдруг рвется, свет гаснет и кто-то большой и тяжелый тащит тебя в темноту. История про лягушку, взбившую сметану в масло, превращается в глупую сказку, потому что в какой-то момент ты вдруг понимаешь, что барахтаться дальше нет смысла, что не все в этом мире зависит от тебя.

В первый раз меня, выскользнувшую из надувного круга (самое большое зло), уже с водой в легких из темных лап небытия вырвала мама. Второй раз (и я до сих пор не понимаю, как это было можно сделать в полноводной, несущейся на всех парусах Оби) от русалочьей участи меня спас любимый дядька — мой личный, добрый бог на мотоцикле с вечной гитарой за плечом, он тогда только вернулся из армии, был весел и прекрасен, добр и красноречив, я не давала ему прохода и всячески портила жизнь. Только ему было под силу договориться с илистым подводным миром Оби, только он — двухметровый спортсмен мог оседлать течение и догнать уже ушедшую на дно меня. Когда я очнулась, дядька плакал и матерился.

Когда много лет спустя я вытащила из воды своего первого утопленника, меня трясло так, что было больно дышать, я повторила дядькину мантру и почувствовала себя лучше.

В спасательной будке нас было шестеро: четверо парней и две девчонки. Руководил нашим отрядом маленький и круглый, как шар, дядя Вася. Мне казалось, что он знает все на свете.

— По одному не геройствовать! Только вдвоем! Без весла не работать! Сначала оглушили, потом вытащили! Не важно — стакан или ведро пива, на воде это одинаково яд! Спасти невозможно только того, кого уже закопали, всех остальных можно! Хороший спасатель всегда знает, кто сегодня будет тонуть.

Нашим контингентом в основном были дети дошкольного возраста и мужчины среднего подшофе. Однажды мы с напарником Костей откачали человека, который в тот же вечер зарезал своего соседа. А еще я видела лицо девушки, которую не смогли откачать. Это была не моя смена, и я приехала на озеро, когда тело уже вытащили из воды. Отработанные манипуляции не помогали, «скорая» ехала слишком долго. Девушка лежала на подстилке расслабленно и умиротворенно. У нее были светлые волосы, белая кожа, правильные черты лица. Когда я заплываю так далеко, что не видно берега, откучаю-то со дна мне машет рукой эта девушка. Тогда я резко разворачиваюсь к берегу и повторяю дядькину мантру.

Иссык-Куль — как вздорная девчонка, то ласкова и нежна, то кричит, бьет посуду. Еще минуту назад солнце прицельно палило песок и воду, дышало огнем, но вот на него будто набросили стальную мантию, и оно потемнело, сжалось, скукожилось; вода трижды сменила оттенки синего, зеленого, серого; купол неба напрягся, надулся, над черными вершинами гор что-то треснуло, лопнуло, порвалось; сквозь небесную трещину просочились капли — одна, две, три... миллион. В потемневшие воды озера хлынули небесные потоки, кто-то сверху подливает из ведер и шлангов, смеется, шалит. Выбегаю из озера, словно из горящего дома, волны захлестывают, тянут в свои объятия, тяжелые капли безжалостно хлещут по лицу, по плечам, по груди; душ Шарко — для тех, кто любит горячее.

Юрты закрывают тундуки, две девушки пытаются спасти от стихии казан плова, потушенные костры чадят, мальчишки «варенная кукуруза, семачка, курут» бегут по пляжу, сверкая пятками. Мир приходит в движение, во всем чувствуется жизнь.

Над горами снова удар гонга и электрический разряд. Небесный доктор оживляет кого-то безнадежного, еще разряд и еще...

— Мы с папой принесли тебя из парной. Ты была с синими губами и не дышала, — рассказывала мама. — Откуда нам в двадцать было знать, что баня так может подействовать на ребенка? Ты же кашляла! (люблю рассказы своих родителей).

Моя бабушка — папина мама — вполне современная и еще молодая, видя перед собой бездыханное тело своей первой внучки вдруг вспоминает какой-то древний, дикий обычай и становится почти колдуньей.

— Она хватает с вешалки свое красивое, купленное на свадьбу родственницы платье и с хрустом рвет его над твоим лицом. И ты вдруг делаешь вдох и открываешь глаза! — здесь мама обычно плачет.

Кто-то там наверху снова и снова рвет обновки, небо трещит по швам. Задыхаясь, бегу по маслянистой глине. Дождь лупит по железным крышам, Бадди Рич задает ритм и смеется с небес.

Врываюсь под навес в уютные посиделки своих соседей как облезлая кошка: одежда насквозь промокла, волосы вьются и торчат во все стороны. Мужчинам нравится моя прозрачная футболка, женщинам — отпечатки глины на икрах.

Как я люблю эту женскую со скрежетом зубов заботу, эти покровительственные, поучительные интонации. Давайте-давайте, девочки, прикрывайте меня полотенцами, закрывайте глаза своим благоверным. Сладкоголосые, ядовитые, маленькие девочки всех возрастов, как я вас люблю!

Француз на кухне готовит какую-то дрянь. Разложил по таваку листья, посыпал сыром и солью, трет что-то на доисторической терке.

— Как там вода на озере? — спрашивает меня на английском.

— Вскипела, — отвечаю ему на русском.

Песок крупный, горячий, колючий. Полотенца, покрывала, шезлонги — не пройдешь. Толпа жужжит, гудит, электризует воздух. Найти свободный кусочек суши, огородить завоеванную территорию, в такт с соседкой водить по плечам и бедрам жижей от загара, мысленно перекрестить сумку с умирающим телефоном, протиснуться к воде, перешагнуть через охлаждающийся арбуз, плюхнуться в воду, оглохнуть от счастья...

Северный берег Исык-Куля — временная петля, копирка Ялты, Одессы и Сочи восьмидесятых. Скученность, теснота, соседские локоть и плечо. Асфальт и мрамор, розы, ели, дискотека... От корпуса к корпусу — приватизация, национализация, бандитские разборки. Полтора месяца в год на то, чтобы выжать из озера золотую каплю. Здесь все дышит, шевелится, хочет жить. Говорят тут громко, целуются взасос, стреляются в сердце. Полотна черного и красного в полный рост, какой-то дикий стендаль...

Он в шляпе, белых шортах, белой рубашке. Солома и лен, качество и стиль. Слон на прогулке. Уверенный шаг, надменный взгляд, капризный рот. Его спутница в бежевых шортах и бежевой футболке. У нее короткие русые волосы, чистое гладкое лицо, серые уставшие глаза. Они идут, держась за руки, он всего лишь на полшага впереди, издали может показаться, что они идут рядом. Она смотрит на него, он смотрит в сторону. Его следы на песке складываются в короткое «я прекрасен», ее семенящий шаг следов не оставляет.

— Ты мой зайчик! Мультик смотрел? — на теле молодого брюнета густая растительность. Он лежит под зонтом, держит у уха телефон и шевелит пальцами ног. — Про кого мультик? Тоже про зайчика? Про другого зайчика? — проходящие мимо женщины прислушиваются к разговору, уголки их губ приподнимаются. — Нет, папа сегодня не придет. Папа на работе. Да, папа работает. Слушайся маму, завтра что-то тебе привезу! — продолжает сюсюкать брюнет. Его вторая рука поглаживает животик лежащей рядом девушки.

Немолодая, подтянутая, уверенная в себе. Купальник открытый, узкие полоски ткани впиваются в тело, светлые волосы стянуты в высокий пучок. Встала с шезлонга, уверенной походкой взошла на пирс, с него как рыба ушла в воду, поплыла брассом — легко, спокойно, с удовольствием.

Под зонтом двое мужчин. Один другому доверительно:

— Она во всем такая. Пришла, взяла, пошла дальше.

Копна рыжих волос и ослепительно белая кожа. Можно подумать, что это девочка-подросток. У нее длинная шея, тонкие руки и бесконечные ноги. Она стоит лицом к воде и спиной к зрителям. Приглядевшись, по складкам на локтях можно понять, что она давно не подросток. С ней рядом, дрожа и поскуливая, вертится чихуахуа. Женщины, лежащие неподалеку, питают к даме с собачкой живой интерес:

— Чем больше горя в жизни женщины, тем меньше у нее собака, — говорит одна.

— Ладно сама пошла топиться, животное-то причем? — страшивая пепел с сигареты, возмущается вторая.

Под большим зонтом сразу несколько семей. Пьют пиво, играют в карты, смеются. Маленький динамик в центре веселья производит попсу, мужчинам уже хочется чего-нибудь эдакого, раскрасневшиеся женщины предпочитают, чтобы как в юности. Альфа не выдерживает напряжения, подхватывает на руки самую кокетливую и несется с ней в воду. Его примеру следуют еще двое самцов, под зонтом остаются самые сдержанные. Один из сдержанных лениво встает на ноги, подходит к скромнице, обводит ее оценивающим взглядом.

— Даже не думай! Ты посмотри какая там грязь, мы потом лечиться запаримся! — говорит ему скромница и закуривает.

— Куда я ее поведу? В общественный, что ли? — голос женщины с соседнего шезлонга звучит убедительно. — Стас, достань из сумки горшок. Это ребенок!

Стас сидит на корточках возле девочки в ярко-розовом купальнике и пытается о чем-то с ней договориться. Девочка лет четырех — в одной руке лопатка, в другой — мороженое, капризничает.

— Что ты над ней издеваешься? — взрывается женщина. Соскакивает со своего шезлонга, достает из вместительной сумки круглую пластмассовую емкость, усаживает на нее девочку.

— Какай, Солнышко, какай!

7

Стеклянный пузырь на пляже — это ресторан. Хрупкий, прозрачный, волшебный. Чуть прикрываешь глаза и сквозь ресницы видишь: там внутри идет снег. Встряхнешь шар, и маленькие человечки в разноцветных одеждах замирают над своими тарелками: «Откуда эти летящие хлопья?» Дождешься пока белые крупинки осядут и трясешь снова — в груди волнение, необъяснимая радость.

Ужины здесь тихие, медленные, без сюрпризов. Я сижу за маленьким столиком почти у входа, надо мной дрожат стеклянные капли — их много — пятьдесят или семьдесят. Каждый раз, ожидая своего заказа, я задираю голову и пытаюсь их сосчитать, они висят в хаотичном порядке на длинных прозрачных нитях и, покачиваясь на сквозняке, звенят как бабушкин хрусталь. Я понимаю, что висят они надо мной не просто так, наверно, они предназначены для того, чтобы отгонять злых духов и побочно радовать глаз, но мой глаз испорчен и при каждом порыве ветра я, как черепаха, потерявшая панцирь, втягиваю голову в плечи и жду колючего дождя. Я могу пересесть за другой столик и сидеть ровно, без всего этого адреналина, но так мне неинтересно.

Я жду свой куурдак и глазею по сторонам. За одной прозрачной стеной кипит Иссук-Куль, за другой — прикрывшись облаками, спят горы. У стены, где за стеклом волна и заходящее солнце, мелькают вспышки, девушки лезут на эту стену как на Эверест, предьявляют камерам значимое и важное, изображают легкость и удовольствие, примеряют чужие улыбки и позы, никогда не остаются довольными тем, что попало в матрицу.

За соседним столиком сидят трое — две женщины и мальчик. Все они будто из разных королевств, и ужин в стеклянном шаре им наколдовал какой-то чужак. Одна из женщин, словно высохший стру-

чок фасолы — маленькая, тонкая, седая. Она похожа на подростка, на ней серые брюки и бесцветная блузка, она не выпускает из рук нож и вилку и непрерывно говорит. Говорит по-немецки. Вторая женщина сидит ко мне вполоборота, и я вижу ее густые черные волосы, профиль со скошенным носом, шоколадный оттенок кожи. От этой женщины, как от плодородной почвы, исходит пар, она пахнет грядущими урожаями. Она слушает. Мальчику, сидящему рядом с молодой женщиной, лет пять, он болтает под столом ногой, крутит в руках планшет и хнычет. Седовласая женщина изредка прерывает свою пламенную речь, улыбаясь мальчику, обращается к нему короткими «шац» и «спац», тянется через стол губами и руками. Мальчик отвечает ей, грассируя, на некоторое время прекращает ныть и смотрит в экран. Между женщинами за столом космос, они — две разные планеты. Одна — ледяной шарик, другая — раскаленный комок. Но мальчик с планшетом — карие глаза, золотые локоны — мостик между двумя мирами, они смотрят на него одинаково нежно.

Перемена блюд, звон стеклянных капель над моей головой, седовласая продолжает свой монолог. Ее бледные щеки покрылись румянцем, ледяные глаза подтаяли. Может быть, это ее лучшее лето. Кареглазая девочка слушает ее так, как не слушал никто, подливает в пиалу чай, смотрит с нежностью и заботой, иногда приподнимает брови или поджимает губы, дышит в такт. Она умеет это делать с колыбели, слушать ее научили раньше, чем говорить.

Я пытаюсь дорисовать недостающее в их прочной цепи звено. Это немолодой архитектор из Мюнхена. Он много ездил по миру и много видел, его жизнь размерена и спокойна, у него дом с лестницей из красного дерева, качели в маленьком садике, он воспитывает детей своей фрау и по субботам жарит на заднем дворе колбаски. Он приехал в Кыргызстан по гуманитарному проекту, построил деревню для нуждающихся, проехал по регионам, увидел, как живут люди в круглых войлочных домах, как готовят на кострах пищу, как борются за урожай, и как-то очень соскучился по дому. Через неделю ему на родину, там его ждет фрау и ее дети, там у него седовласая мама. Но тут застолье — много мяса и чая, тонкие запястья и золото в белой чашке, черные глаза из-под ресниц, и отчего-то дышать тяжело, и одна только мысль — что там в этих глазах. А еще желание спасти, вынести на руках из разрушенного дома, стать героем. Фрау все поймет, она взрослый человек, она твердо стоит на ногах.

Или он эксперт в сфере энергетики. Живет в Берлине, знает все про ветряки. Занимается спортом, любит собак. Красавчик в самом соку. С герлфренд они давно договорились, что все у них будет легко. Он не возражает, когда она усаживает их таксу в коляску и сюсюкает с ней в парке и в книжном. Она не против, когда он без нее едет отдыхать в Испанию. И вдруг на конференции это чудо — тонкие запястья, длинные шелковые волосы, плавные движения. На фоне резкого, жесткого, понятного — это волшебство. Такса простит.

Ну хорошо! Пусть он молодой и красивый. У него синие глаза и мечта — жить у моря. Он хирург и работает в небольшой клинике в Дрездене. Он расстался со своей девушкой и, чтобы прийти в себя, приехал на горнолыжный курорт в Вену. Он сбивает ее с ног на трассе и пытается оказать помощь. У нее прекрасный немецкий и плохой

характер. Она говорит ему гадости и поправляет выбившиеся из капюшона волосы. Он понимает, что нашел свою женщину. Не налюбуется на ее запястья.

Мальчик с планшетом отказывается есть овощи и дерзит своей бабушке. Люди за соседними столиками напрягаются, прислушиваются к чужеродной речи. Мальчик повышает голос, переходит на визг. Публика в ресторане замирает, не сводит глаз с мальчика. Женщина с тонкими запястьями, поднимает сына со стула, делает прицельный шлепок, что-то говорит кыргызча, усаживает ребенка на место.

Седовласая замирает, бледнеет, хватается ртом воздух. Мальчик берет вилку и с аппетитом принимается за еду. Молодая разливает по чашкам чай и снова обращается в слух.

8

Октябрь бьет по рукам, и все падает маслом вниз. Написанное перечеркнуто, запланированное забыто. Свечи гаснут, черные птицы над головой окрепли, уплотнились, больше не прячутся по углам. Отрывать от подушки налитую свинцом голову с каждым днем все тяжелее.

Забить окна, закутаться в бабушкину шаль, обнять батарею.

Дни тянутся медленно, сны вязкие, тяжелые. Зеркало, словно замерзшее озеро, покрылось пленкой, отражение нечеткое, знакомое лицо в нем размыто.

Перебирать потери, неудачи, плохие дни; рисовать траектории своих будущих падений, не чувствовать вкуса, не испытывать эмоций.

Неудачнице неудачнице неудачница — шепчет за окном листопад.

Верхнее веко дернулось, как обожженная бабочка, и задрожало. Это теперь надолго. Не выходить из комнаты — роскошь, но бабочке не нужны алмазы, она предпочитает полевые цветы.

«Чтобы глаза были ясными, нужно смотреть в небо!» Господи, откуда это во мне? Конечно, из какого-нибудь глянцевого журнала, сколько я их пересмотрела. Ничего не проходит бесследно. «Мы — то, что мы едим! Мозг умнее нас!» Отче наш, не дай мне сойти с ума!

Дождаться первого троллейбусного гула, приоткрыть тяжелую штору, зажмуриться от света желтого фонаря, непослушными руками собрать в сумку бесполезные вещи — полотенце, купальник, шляпу, достать из холодильника подвявшее яблоко, помыть его под горячей водой, вытереть салфеткой, долго любоваться, не решиться съесть, положить в сумку рядом с полотенцем, вспомнить, что Марина Ивановна умела варить суп из луковицы, улыбнуться, поплакать. В очередной раз заикнуться на мелком, тщетном, смешном.

Когда это со мной случилось? Когда там, наверху, решили, что вырасту я рохлей и размазней? Может быть, программа запустилась в детском саду, когда на рев мальчика из младшей группы прибежала воспитательница и отдала моего медведя крикуну? Я сидела на маленькой скамеечке возле крашенного фанерного домика и смотрела, как рушится мир — чужие грязные руки истязали моего луч-

шего друга. Хотелось взять палку, подлететь к пауку и на всем скаку срубить к чертям собачьим его белобрысую голову. Но колыбельные мантры «зайку бросила хозяйка» и «оторвали мишке лапу» не давали сдвинуться с места, я болтала ногой и ждала окончания пытки. Нельзя делать больно другим, на свое больно можно подуть.

Господи! Как приятно себя жалеть! Как сладко!

Маршрутки на Иссык-Куль осенью ходят редко, заполняются долго, ползут медленно. Со мной в салоне три человека. На заднем сидении спит пьяный работяга, рядом с ним стоят два мешка с сахаром. На мешках так и написано «Кант». У спящего приоткрыт рот, и по лбу ходит наглая осенняя муха. Ближе к водителю сидит пожилая пара. Старички застыли, держа ровно спины и плотно прижимаясь плечом к плечу — сосредоточенные, чистенькие, гладенькие — сказочные персонажи. На коленях у Боровичка большая матерчатая сумка, в ней позвякивают пустые банки — ездили к детям, отвозили соленья-варенья, возвращаются.

Дорога умыта дождем. Октябрь в Кыргызстане — время осторожных, прозрачных дождей. Урожаи собраны, поля убраны.

Еще вчера — внимание, комплименты, горящие глаза и горячие руки, сегодня — седая прядь в небе и полинялый пейзаж.

Шеф, давай музыку, я знаю, у тебя есть то, что мне нужно.

Кузьмин жалуется на сибирские морозы, водитель курит траву, за окном бесконечный Климт. Мятная конфета под языком тает медленно.

В десятом классе на дискотеке ко мне подошла девочка и спросила, могу ли я научить ее танцевать. Я, юная и жестокая, бросив лишь взгляд на эту девочку, поняла, какой бы прилежной она ни была, как бы ни старалась, ничего у нее не выйдет. Ведь не двигаться под музыку хотела она научиться — притягивать взгляды, будоражить фантазию, повелевать и властвовать — вот чего хотела она на самом деле. Но колдовство либо есть, либо его нет. Ты или атомная станция, или ветряная мельница. Поэтому я, конечно, обняла эту девочку и пообещала, что всему научу. Через пару недель в кабинете НВП, который вечерами нам тайно открывал косой сторож Ахмед, его так и звали — Косой Ахмед, уже не хватало места, вместе с девочкой учиться танцам приходили ее подруги и одноклассницы, потом подруги подруг и девочки, у которых подруг не было. В стране была неразбериха и суета, наши родители цеплялись за все возможные заработки, примерялись к новым условиям жизни, мы росли вкривь и вкось, нам это нравилось. На нашу секту обратили внимание только после того, как на добровольные пожертвования девчонок я купила новый магнитофон. Меня вызвали к директору. Наш директор был неплохой мужик — ездил на старом «Москвиче», врал хулиганам про именную пистолет и раз в месяц заказывал трудовику новую указку. Он вел у нас географию, рассказывал наспех сочиненные байки про путешествия, курил трубку и мечтал хотя бы краем глаза посмотреть за границу. Стоя между чучелом кабана и пыльным глобусом, он высокопарно нес чушь про мои капиталистические замашки, про славные годы пионерии и траву, которая когда-то была зеленее. Директор хотел денег. Косой Ахмед, куривший на пожертвования, предлагал мне схемы и высчитывал, сколько нужно кидать шефу, чтобы лавочку не закрыли. Мама плакала и умоляла меня не связываться с большими деньгами...

«Все маленькие черепашки бегут к большой воде, но достигают своей цели лишь единицы», — думаю я, протирая запотевшее стекло. Маршрутку трясет, под ногами рваные резиновые коврики, за трещиной на лобовом синееет Иссык-Куль.

Сейчас маршрутка остановится, и я пойду к берегу, расстелю на влажном песке свое полотенце, достану из сумки яблоко и замру на целую вечность.

Чтобы через мгновение очнуться, проснуться, стать снова живой.

КАК ПО МАСЛУ

Старый деревянный стол стоял посреди двора, над ним словно небольшие светильники нависали тяжелые налившиеся соком виноградные гроздья. Пятипалые листья плотно застилали небо, сплетенные лозы образовывали кокон, двор напоминал просторную беседку — типичную для дачного хозяйства «Гроздь». За столом сидели трое — две женщины и мужчина.

— Сразу, как заберешь машину, скажи Оле, чтобы она смазала ее сливочным маслом, — разливая по чашкам чай, сказала белокурая женщина в цветастом сарафане.

— А с бубном прыгать не надо? — отхлебнув из чашки горячего напитка, спросил мужчина.

— Очень смешно! — ответила ему женщина и поджала нижнюю губу.

Над столом повисла тишина, изредка ее прерывал лай соседской собаки и детские крики с речки. День наступил рано, солнце пыталось пробиться сквозь гущу зелени во двор, осы хищно кружили вокруг спелого винограда. Мужчина взял мухобойку и, чуть приподнявшись над столом, помахал ею возле черной грозди.

— Надо снимать, сожрут паразиты, — сказал мужчина в сторону белокурой женщины.

— Такними, сейчас чашку принесу, — ответила ему женщина постарше с крашеными в красный цвет волосами и вышла из-за стола. — Секатор лежит в розах, — повысила голос, входя в дом.

— Кто оставляет секатор в розах? — раздраженно буркнул мужчина и впился губами в собственный палец.

— Потому что надо было наклониться и снизу секатор взять, а не лезть лапами сверху, — отчитала его вернувшаяся из дома женщина.

— Хотел Аньке розу срезать, чтобы не дулась.

— Миша, тебе сорок лет, когда ты повзрослеешь? — вздохнула женщина с чашкой. — Ань, заberi уже у него розу, ты видишь, как кровь хлещет!

— Это его бог наказал за то, что вечно делает из меня дуру!

— Начинается! — выдохнул мужчина и положил на стол окровавленный цветок.

— Ты, Ань, вечно, как скажешь! Я вот тоже, например, не поняла зачем машину маслом мазать.

— Ну не поняла и не поняла, отстань уже! всю жизнь хочешь вам как лучше, а только зря!

В щель приоткрытой калитки протиснулось тощее тело мужчи-

ны в шортах и сандалиях. В руках мужчины была небольшая плетеная корзинка, в зубах сигарета.

— Галь, яйца не нужны? Два ведра стоят, по-соседски отдам!

— Иди с нами чай пить! — махнула рукой соседу красноволосая женщина.

Мужчина вошел во двор, протянул руку Михаилу и тут же ее одернул.

— Бензопила? — хихикнул, глядя на окровавленные пальцы.

— Ага, — зло ответил Михаил.

— Да задолбался я уже с этим хозяйством, — внезапно затараторил сосед. — Что в дом не притащи, размножается как очумелое! Вот сын котика взял — болезный, ободранный котик, думали, сдохнет. Угу! Оказалось — кошка. Каждый три месяца теперь по ведру котят. Да крупные, толстые!

— Ну, с кошками это всегда так, — улыбнулась Галина.

— И куда вы потом этот выводок деваете? — с напряжением спросила Анна.

— Аня, речка за огородами! — снова приложив палец к губе, оживился Михаил.

— Миш, не поверишь, ни одного не утопил. Не хочу грех на душу брать. Ходим по соседям, по знакомым — раздаем.

Над розеткой с прошлогодним вареньем зажужжала пчела, все молча уставились на нее.

— Ты попробуй варенье, Вась, — предложила Галина.

Василий послушно взял ложку и несколько раз зачерпнул ею клейкую темную массу.

— Вам пора собирать смородину, она к нам прямо через забор лезет, ветки на земле уже лежат.

— На нашей стороне она, вроде, еще не готова, — — заметила Аня.

— Вот я и говорю, это только у нас двор такой. Собаку на помойке подобрали, лапы нет, на глазу бельмо, будку ей сбил, она пятерых щенков народила, сама теперь с корову ростом, люди боятся проходить у калитки. Куры несутся, козленок у старой козы откуда ни возьмись, ежиха в погреб пришла, утки как лошади! А за всем ухаживать надо! Ни секунды покоя, на кой черт мне такая дача сдалась! Весь год я тут!

— Ой, Василий, не гневи бога! Ты знаешь, что в наш поселок лет сорок назад приезжал монах? — шепотом спросила Галина.

— И че он приезжал?

— Ладони положить на больную.

— Только не съезжай на свою тему, я тебя умоляю! — закатив глаза, попросил Михаил.

— Ну-ну? — не обращая внимания на возглас Михаила, Василий подошел ближе к Галине.

— Что «ну»? Больная встала, а земля здешняя с тех пор святая и плодоносит. Это всем известно!

— Галя, плодоносит, да не у всех, это мама еще говорила. В одном дворе плюнь косточку, и сад цветет, в другом хоть с утра до вечера горбатся, все без толку, — важно сказала Аня и пошла заваривать свежий чай.

— А что Валентина Андреевна? Где она сейчас? — придвинув-

шись еще ближе к Галине, поинтересовался Василий. — В поселке говорят, вы ее в интернат сдали?

— Дурак! — выкрикнула из дома Аня и выбежала во двор босиком. — Кто такие сплетни про нас плетет?

— Ань, ты не обижайся, я за сколько купил, за столько и продаю, — Василий виновато втянул голову в плечи и чуть подвинулся к выходу. — От мужиков на рыбалке слышал, что видели они тетя Валю в городе, подошли поздороваться, а она смотрит сквозь них, в тряпку рваную кутается, и, мол, с нею баба какая-то рядом, взяла ее за руку и повела. Дескать, это такая прогулка в интернате, водят стариков в парк, чтобы развеять.

— И ты, конечно, поверил? Да, Вась? — в глазах Анны застыли слезы, щеки покрылись пятнами.

— Что ты кричишь на человека? — сквозь зубы процедила Галина и, схватив оставленный братом секатор, с остервенением стала срезать виноградные гроздья.

— Девчонки, я же просто так спросил. Не чужие все-таки, сколько уж лет соседи. А если и интернат — что такого? Японцы вон своих стариков вообще на гору уносят...

— Знаешь, Вася, иди-ка ты к черту! — вышел из дома с забинтованным пальцем Михаил.

— Так возьмете яйца-то? — поинтересовался Василий, вставая из-за стола.

— Нет! — хором ответили ему женщины.

Жалобно скрипнула калитка, где-то недалеко зарычала машина, над тазом со срезанным виноградом загудели пчелы.

— Миш, ты как завтра машину купишь, сразу к батюшке поезжай освятить, — глядя на летающих пчел, сказала Галина. — Только в нашем храме батюшку поищи.

— Галя, Оля до сих пор не может забыть, как мы квартиру освящали.

— Ну, хоть что-то помнит твоя Оля! — вступила в разговор Аня. — Я ведь говорила ей, что сорок лет не отмечают, нет, приспичило ей устраивать показуху в ресторане. Думаешь, так просто ты в тот вечер попал в аварию? Хорошо, хоть все живы остались.

— Подожди, а что не так было с квартирой? — оживилась Галина.

— Да ничего особенного. Приехал этот твой батюшка на тонированном гелике, в костюмчике, с чемоданчиком, бородака маслом смазана, волосы уложены — типичный сетевик.

— Миша, ты в каком мире живешь? При чем тут его одежда? — раскраснелась Галина.

— Да ни при чем, Галь. Переоделся он в свою спецовку...

— Ты невыносимый!

— Помахал штукой этой своей, сбрызнул стены, зашел в нашу спальню, говорит, супружеское ложе освящать не буду, неизвестно, что вы на нем практикуете, после святой воды не сможете, а рушить семьи — последнее дело.

— Что, серьезно — так и сказал? — оживилась Аня. — Я в шоке!

— Это Оля тебе рассказала? — сузив глаза, спросила Галя.

— Галь, это он мне так по-пацански сказал, понимаешь?

— Миша, я знаю, что ты не любишь церковь, но клеветать на доброго человека — грех.

— Ой, Галя, ты мне еще вот это вот еще сейчас давай начни! Некому мораль читать? Младший брат сгодится?

— Мишка! — одернула его Аня.

В саду тонким голосом запела птица. Галя, задрав голову, ушла в дом. Аня как в детстве дернулась было вслед за сестрой, но на пороге остановилась. Рядом с крыльцом промелькнуло что-то серое.

— Миша! Это была мышь! — почти взвизгнула Аня.

— И что? — безучастно спросил ее брат.

— Она же погрызет здесь все!

— На здоровье!

— Нужно взять у Васи кота.

— Аня, нам не нужен кот. Нам нужно продать эту дачу.

Аня вернулась к столу, подошла к тазу с виноградом и набросилась на черную ягоду, ела она жадно, давясь соком — будто впрок. Миша смотрел на сестру почти с отвращением и почему-то вспоминал ее мужа, то, как в последний раз этот беспардонный тип в очередной раз устроил на даче шашлыки и ничего за собой не убрал, и когда через неделю на дачу приехала семья Миши, ему пришлось отмывать за свояком шампуры и решетки для мяса, и это было унижительно и обидно, он тогда едва сдержался, чтобы не сорваться в город и не бросить в морду этому самодовольному нахалу его грязную посуду.

— Ты бы хоть помыла-то виноград! — зачем-то сказал вслух Миша.

— Больше грязи — шире морда. Вроде твоя фраза, — ответила ему сестра.

— Это у одних морда, а у других неделю понос. Помнишь?

— Не, тогда были зеленые яблоки, — засмеялась Аня и перестала казаться противной. И двор будто стал шире и солнечней, и золотые кудряшки на висках сестры стали легче и прозрачнее. Миша зажмурился и почувствовал на плечах тяжесть, снова младшая сестра висела у него за спиной и смеялась в ухо, и снова они — черти-разбойники — прятались в малиннике от Гали, а она искала их, чтобы вместе собирать смородину. Из кухни пахло оладьями и вишневым вареньем и лето было бесконечным, а детство бескрайним.

— И что вы думаете делать с виноградом? — бесшумно вернулась из дома Галя. Она всегда обижалась демонстративно и громко, но надолго ее обиды не хватало, и, походив из угла в угол, она возвращалась к обидчикам, будто ничего не случилось.

— Я думаю, его можно просто съесть! — сказала Аня.

— Тонну винограда? — вздохнула Галя.

— Ну, Мишкины мальчишки приедут, помогут, — махнула рукой Аня.

— Мальчишки не приедут. У Андрея стажировка, Сашка в лагере, — повысил голос Миша. — Вы делаете вид или правда забыли — зачем мы здесь? За домом надо ухаживать, фундамент отсырел, крышу надо перекрывать, тут работы завались. Не делайте вид, что только я хочу продать эту дачу.

— Мама делала хорошее вино, — не обращая внимания на слова брата, сказала Галя. — Может, там в подвале осталась хоть бутылка?

Миша медленно вышел из-за стола и, часто дыша, пошел в сто-

рону подвала. В подвале было холодно и страшно. Маленькая лампочка под потолком освещала только ту часть помещения, где хранилась консервация. Большие и маленькие банки с туго закатанными крышками и белыми боками наклеек, где маминым почерком обозначались даты заготовок, важно стояли на деревянных полках. Эти широкие полки они делали вместе с отцом целое лето и очень ими гордились, у Миши до сих пор остался шрам на ладони от тяжелого рубанка. Наклейки на банках пожелтели, цифры стерлись, но Миша точно знал — какую банку ни открой, запахнет радостью, обедом, мамой. На нижней полке в углу стояли запыленные пузатые бутылки — их собирали специально по друзьям и соседям, чтобы наполнить густым соком лета — маминым вином.

У холодной стены в паутине стояли две закупоренные бутылки. Миша взял одну из них, стер пыль, попытался прочитать название на этикетке, догадался, что в бутылке когда-то жил отвратительный греческий коньяк, улыбнулся, понес бутылку сестрам.

Разливали виноград по чайным чашкам, пили не чокаясь, молча. Ане хотелось сказать, что пить вот так — плохая примета. Что так пьют только на родине ее Йона и что это совсем неправильная традиция, чуждая русским. Ей много всего хотелось сказать, но, посмотрев на брата с сестрой, озвучивать свои мысли она передумала.

— Как там в подвале мышки поживают? — спросила Галина не то брата, не то пустую бутылку. Ей никто не ответил. Аня откинулась на спинку кресла, прищурила глаза и сквозь ресницы пыталась смотреть на солнце. Она так делала в детстве, когда не знала, чем себя занять. Миша смотрел в свой пустой бокал и думал о мышках, живущих в подвале. Страшилка, рассказанная старшей сестрой, жила в нем почти до окончания школы и не было ужаснее ужаса в его детстве.

Мише в тот день исполнилось семь лет, они приехали на дачу рано утром — счастливые и нарядные, с шоколадно-вафельным тортом из центрального магазина, вместе надували воздушные шары, запускали воздушного змея, катались с папой на лодке, к обеду стали накрывать на стол. Миша пошел с отцом в подвал за банками, которые тогда еще стояли где попало на бетонном полу. Папа долго отрывал заржавевший после весенних дождей навесной замок, рассказывал Мише что-то веселое, а потом дверь в подвал распахнулась, и веселье резко закончилось. Прямо за дверью, на порожке, лежала соседская Люська. Полосатые лапки застыли сомкнутыми, будто в свои последние секунды жизни она молилась, длинный полосатый хвост торчал ровной палкой, из приоткрытого рта виднелся розовый язычок, в глаза было страшно смотреть — они были как у живых.

Миша не закричал, не убежал прочь, он сел рядом с Люськой и стал гладить ее по твердой спинке. Мама говорила потом, что забежавшая в подвал кошка умерла с голоду и что во всем виноваты дожди — размыли дороги. Вернись они раньше, Люсю можно было бы спасти. Галя же винила во всем летучих мышей, которых она якобы видела в дальнем углу подвала под потолком. «Это они выпили Люсину кровь, потому что у нее были синие глаза. Летучие мыши всегда пьют кровь у тех, у кого синие глаза», — рассказывала Галя соседским мальчишкам и девочкам. И почему-то эта версия показалась ребятам единственно правдоподобной. С того дня дачный поселок был разделен на две группы. К одной относились

те, кому можно было гулять по ночам без страха, во вторую попадали несчастные синеглазые ребята, которых с наступлением сумерек за каждым углом поджидала стая голодных летучих мышей. Гале с Аней повезло, они унаследовали отцовские карие глаза, Мише повезло меньше — у него был светлый серо-голубой оттенок маминых глаз. Миша очень серьезно отнесся к рассказу старшей сестры и вечерами был осторожен: не ходил в неосвещенных местах, держался старших, а злополучный подвал обходил стороной даже днем. Но в тот осенний день, когда по утрам уже пахло сырыми листьями и вокруг яблони целыми сутками глухо бумкало, к ним в сад пришли несколько ребят играть в прятки. Прятаться было решительно негде, желтый сад был уже жидким, прозрачным и совсем не защищал от глаз. За ящиками, стоявшими у железной кровати под грушей, Миша прятался уже дважды, на орешник влез Коля, девчонки побежали к бочке с водой, Игорь угрожающе заканчивал свою считалочку: «Кто не спрятался, я не виноват!» На последней ноте предупреждения Миша влетел в подвал и замер. Дверь подвала захлопнулась за Мишей почти без звука, густая темнота схватила за горло, колени подогнулись, Миша почувствовал себя большим тяжелым мешком и осел под собственной тяжестью на каменные ступени. В мире не осталось звуков, кроме стука молоточков в висках и горле, не осталось цветов и звуков, не осталось ничего, кроме страха. Миша боялся дышать, боялся двигаться, он знал, что летучие мыши не дремлют, и стоит ему лишь шелохнуться или сглотнуть слюну, они тут же вонзятся своими острыми клыками в его тонкую шею и выпьют всю его кровь. Он не знал, сколько времени длилась эта пытка, он не помнил, кто открыл в подвал дверь, но он никогда не забудет то чувство стыда, что испытал, когда к нему бросились ребята. Под его ногами, на широкой каменной ступени чернела лужа. «Я же говорила вам, что он здесь!» — кричала с верхних ступенек Галя.

— Мы не должны были ее туда сдавать! — обняв пустую бутылку, сдавленным голосом произнесла Галя.

Миша занес над собой чашку с вином, и она со звоном разлетелась по двору, отскочив от каменного фундамента.

— Ты же первая это предложила! — выкрикнул Михаил.

— Я предложила, а вы двое чистенькие? И ни при чем? — повысила голос Галина.

— Перестаньте орать, соседи вокруг! — сквозь зубы процедила Анна. — У нас не было другого выхода. Она была не в себе. В пансионе уход, врачи.

— Прямо так и вижу твоего лысого барана. «Врачи!» — ломая язык, скорчил гримасу Михаил.

— Здесь-то что тебе Йон сделал? — забыв о соседях, выкрикнула Анна.

— Как обезьяна повторяешь за ним, — ответил Михаил.

— Как попугай, — поправила брата Галина.

— Спасибо сказали бы! Если бы не связи Йона, кто бы взял ее в этот пансион бесплатно? Сидели бы вы тут такие умные, пока она говном стены мажет!

Галина отодвинула от себя чашку и откинулась на спинку плетеного кресла. Чашка блестела под пробившимся сквозь зелень тон-

ким лучом солнца. Луч рисовал на чашке маленькое солнце. Галя вспомнила, как однажды они с мамой вернулись из магазина, а маленькая Анька, оставшись дома с папой, уллучила момент и все содержимое своего горшка размазала по стене в детской, и мама запретила ее за это ругать, сказала, что их Анечка будет художником.

— Вы думаете ничего нельзя сделать? — глядя на солнце в чашке, почти шепотом спросила Галя. — Как мы не заметили, что она сходит с ума?

— Сколько можно об этом говорить! — выдохнул Миша.

— Если бы тогда после смерти папы мы остались с ней на все сорок дней, как она просила, возможно, все было бы иначе, — продолжила Галя разговор с солнцем.

— Галь, у меня с Йоном только все начиналось, я должна была поехать с ним!

— Ну да, у него же заболел отец! Он, кстати, не сдал его еще? У них же это вроде как принято? — Миша покопался в шкафах на веранде и нашел спрятанную там сто лет назад пачку сигарет.

— Ты же с рождения Андрея не курил! — ответила ему Аня. — Дай мне тоже.

— На самом деле, Миша, с мамой тогда должен был остаться ты! Ты ее любимчик, — заерзав в кресле, заметила Галя.

— Галя, у нас тогда все было запланировано за полгода вперед! Я обещал Оле совместный отпуск пять лет! Если ты помнишь, у нас даже медового месяца не было — дети, родители, работа... Господи, кому я рассказываю! Что ты об этом знаешь!

— Миша! — прикрикнула на него Аня.

— Ань, ну, реально, Галя должна была остаться тут с мамой! У нее никого нет, это же она у нас вся такая про вторую щеку! — Миша с удовольствием выпускал дым через носи радовался забытой горечи в горле.

— Миша, я не могла! Это не наша традиция! Это нечестно: строить из себя всю жизнь русскую, а после смерти мужа вдруг вспомнить о своем еврействе и заставлять всех жить по чуждым им законам! — Галя достала из кармана носовой платок и громко высморкалась.

— Она никогда не забывала о еврействе, просто с русскими фамилиями в Союзе легче жилось, — задумчиво произнесла Аня.

— Да что ты помнишь о Союзе? Как обезьяны повторяете одну заученную песню, — встала из-за стола Галя.

— Как попугаи, — поправил ее Миша.

— Хорошие сигареты! Крепкие! — заметила Аня, когда Галя скрылась в саду.

— Надо будет дать объявление в газету, — сквозь дым сказал Миша.

— Может лучше сразу в агентство обратиться? Мы с Йоном свою квартиру через агентство через неделю нашли.

— Мне кажется, Галя не хочет продавать дачу. Она же у нас как бы без жилья, — Миша закашлялся.

— Ты хочешь, чтобы родительский дом отошел каким-нибудь ее сестрам во Христе? — Аня подошла к Мише и постучала его по спине.

— Отец хорошо строил! — прокашлявшись, сказал Миша.

— Скучаю по нему! — шепотом ответила Аня.

— Там яблоню надо спилить, кажется, она высохла, — вернувшись из сада, сказала Галя.

— Ты что, не знаешь, что пока живы родители, деревья пилить нельзя? — Аня налила себе в чашку холодного чая.

— А у нас кто-то еще жив? — ответила ей сестра.

— Типун тебе на язык, ненормальная! — глядя на брата, ответила Аня.

— Кстати, кто в этом месяце поедет навестить мать? — вклинился в перестрелку Михаил.

— Я была в прошлом, и она меня не узнала, — ответила Галина.

— Хорошо, мы с Йоном съездим, но тогда вы давайте на кладбище к папе. Там еще в прошлый раз было не пройти.

— Честное слово, я своим детям скажу, чтобы они ко мне на кладбище вообще не приходили, — вздохнул Миша.

— Это по-еврейски, — сказала Галя.

— С чего ты взяла? — спросила ее Аня.

— Я слышала, что у них так принято.

— Четкие ребята, — засмеялся Михаил и отошел от стола с телефоном. Галя с Аней сидели друг против друга и натужно молчали. Две стареющие девочки с одинаково прямыми носами, красивыми кофейного оттенка глазами и одинаково опущенными уголками губ, еще вчера державшиеся за руки и заплетающие косички общим кулдам, сегодня не могли придумать темы для разговора. Хотелось выйти из этого вязкого удушья на воздух.

— Девчонки, меня тут Ольга бомбит эсэмэсками, может, пораньше уедем? — спас их брат.

— Завезешь меня в церковь? — обрадовалась Галя и побежала в дом за вещами, пока Аня начала убирать со стола.

В доме пахло сыростью и воском свечей. Белая стена прихожей потемнела и покрылась солончаком, круглые вязаные коврики, кое-где потертые и полинялые, были влажными. Галя прошла по ним на цыпочках, чтобы не запачкать белые носки, взяла свою сумочку, положила в нее мамины рубиновые бусы, прикрыла белую занавеску на окне, чтобы, если кто залезет во двор, не таращился в чужую жизнь, остановилась у портрета на стене, внимательно вгляделась в счастливые лица двоих взрослых и троих детей и перекрестилась. Плотно закрыла за собой дверь веранды, дважды провернула ключ.

— Что ты там говорила про сливочное масло? — услышала вопрос Миши к Ане.

— Крышу новой машины смазывают сливочным маслом на удачу, чтобы все как по маслу было! — смеясь, ответила Аня.

